

Стефка Модар

Тайна авантюристски

18+

Стефка Модар
Тайна авантюристики

«Автор»

2026

Модар С.

Тайна авантюристки / С. Модар — «Автор», 2026

Русский Двор с его блеском и интригами оставил неизгладимый след в истории России. Его многоликость, отразившаяся в судьбах множества людей, сформировала уникальный характер нации. Именно здесь, в стенах дворцов и в тени аллей, зарождалась и крепла любовь к Родине, стремление запечатлеть её величие в летописях времени. Двор был не просто местом развлечений и политических игр. Он стал кузницей талантов, средоточием знаний и искусств. Именно здесь рождались идеи, которые вели Россию к просвещению и могуществу. Здесь формировалась целостность нации, сплачиваемая общим стремлением к величию. Этот сборник эссе – дань уважения тем, кто ковал славу России. В основу легло – стремление открыть имена, которые внесли свой вклад в её процветание. Хотелось вспомнить тех, кто, пусть даже в легендах, оставил след в истории. Ни одно имя не будет забыто, ведь каждый, кто служил России, достоин нашей памяти и благодарности.

© Модар С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Нужный час	7
Игра Судьбы	10
Тень на троне	15
Крестик на перепутье	17
Екатерина ждёт	19
Царские тревоги	20
Тайна царского креста	22
Испытание благодатью	23
Тень Романовых	25
Оставалось два последних дня	26
Кровавое пятно на кресте	27
Вещий сон Екатерины	29
ИРОНИЯ СУДЬБЫ	31
Июльский смрад	31
Тень Ипатьевского дома	36
КАРЛИК	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Стефка Модар

Тайна авантюристки

Глава

СТЕФКА МОДАР

СБОРНИК ЭССЕ

ТАЙНА АВАНТЮРИСТКИ

(Легенды Русского Двора)

Пролог

...Великий, могучий! Русский язык! Да, поможет в написании исповеди влюблённых, прежде всего в Русь! Избранных! Да, откроется вдруг калитка их души. В плетении любви развяжутся узелки...

В душевной атмосфере константинопольской таверны, где воздух был густым от запаха дешёвого алкоголя и людского пота, разворачивалась игра, чьи ставки были куда выше обычных монет – на кону стояла судьба целой империи. В центре этого вихря событий оказалась Зося, женщина с цирковым прошлым, чья биография была окутана завесой тайны. На её груди покоился крестик, который она с вызывающей бравадой бросала на грязный пол. Этот крест был не просто украшением, а знаком принадлежности к роду Романовых, ключом к её истинному происхождению.

Невидимый наблюдатель, словно тень, следовал за каждым её шагом, за каждым произнесённым словом, проникая в самые потаённые уголки её жизни. Он видел её отчаяние, слышал её пьяные откровения о матери, об отце, которого она никогда не знала, и о тайне, которая давила на неё, словно проклятие.

Судьбоносной встречей стало знакомство с Алексеем Орловым. В его глазах Зося увидела проблеск надежды, шанс вырваться из замкнутого круга нищеты и забвения. Алексей Григорьевич Орлов, опытный придворный и искусный интриган, разглядел в ней не только пешку в сложной политической игре, но и отголосок прошлого, тень самой Великой Императрицы.

Так Зося, полупьяная циркачка, начала преображаться в Анастасию, претендентку на престол. Ей предстояло сыграть роль, где правда и вымысел сплелись в тугую, неразрывный узел. Она рассказывала истории о детстве, которое не помнила, о матери, которую едва знала, о царском происхождении, которое было лишь смутным предчувствием.

Новая жизнь диктовала свои правила. Анастасия постигала тонкости этикета, манеры, историю. Ей предстояло стать дамой, принцессой, а возможно, и царицей. Однако под благородной маской по-прежнему скрывалась прежняя Зося – авантюристка, готовая на всё ради выживания.

Впереди её ждали интриги, заговоры, предательства и, возможно, трон. Но сможет ли она обмануть всех, включая саму себя? И какую цену ей придётся заплатить за эту игру? Тайна авантюристки только начинала раскрываться, и финал её был непредсказуем.

ТАЙНА АВАНТЮРИСТКИ

Нужный час

Константинополь дышал жарой и запахом специй. В одном из самых грязных переулков, словно ночная бабочка, порхала Зося, циркачка с сомнительной репутацией. Полупьяная, она направлялась в кабак "Золотой Ятаган", а за ней, словно тень, скользил человек, известный в определённых кругах как "Слуга Дьявола" – тайный агент, чья преданность была куплена золотом и обещаниями.

В "Золотом Ятагане" царил хаос. Пьяные матросы, торговцы и авантюристы всех мастей валялись на столах и полу, утопая в вине и дыме опиума. Зося, войдя, сразу привлекла внимание. Рыжеволосая, она была яркой, как экзотическая птица, самым светлым очарованием в этом грязном гнезде.

В шумном трактире, где воздух был густым от запахов еды и выпивки, жизнь шла своим чередом. Зося в которой чувствовалась немая решимость, подойдя к стойке, заказала крепкий напиток, а затем, словно невзначай, расстегнула верхнюю пуговицу платья, открывая взгляду крестик на тонкой цепочке.

—Этот крестик... – начала она, её голос был немного заплетающимся, – мне матушка подарила.

—В память об отце. От САМОГО...

—Царский!.. – с этими словами, в порыве, который казался одновременно яростным и отчаянным, она сорвала украшение с шеи, бросила его на пол и начала топтать каблуком.

Ей тут же налили ещё, она осушила стакан залпом, и её пьяный монолог продолжился. В тени, незаметно для других, стоял человек, внимательно слушавший её. В её истерике, перемешанной с бравадой, чувствовалась глубокая боль и отчаяние.

Он подошёл к ней, представившись:

—Воздыхатель... – и тут же предложил выпить вместе.

Женщина прищурилась.

—Русскую речь плохо понимаю... – пробормотала она, хотя её славянский акцент был очевиден, – но кровь... Кровь русская...

Она с гордостью указала на пол, где лежал небольшой деревянный крестик с серебряным распятием:

— Это... Память об отце. Матушка, умирая, на меня надела.

Человек в тени изобразил удивление.

—Крестик... – пробормотал он, – может, откроете мне тайну этого крестика?"

Моложавая женщина, неопределённого возраста, больше похожая на девушку, вдруг рыдалась.

—Я... Я одна!.. – закричала она на весь кабак, – одна с этой тайной!

—Никто не поможет!

—Мать умерла...

—Отец тоже...

—Денег... Денег хватает.

—Куры не клюют!

—Но этот крест... Это моя карма!

—Он меня давит!.. – она нагнулась, подняла крест и протянула его человеку.

Он замер. На кресте отчётливо виднелось личное клеймо Романовых. Испытывая внутренне беспокойство, удалился.

Прошло пару дней. Кабак как центр вселенной манил своей пагубностью и раскрепощением. В нём все отводили душу. В его тусклом свете, где воздух был густым от табачного дыма и запаха дешёвого вина, была и Зося, та как завсегда, сидела, утопая в собственной печали.

Её глаза, обычно полные озорного блеска, сейчас были затуманены алкоголем и отчаянием. Рядом с ней, на столе, покоился маленький деревянный нательный крестик с распятием из серебра. В голове, как крик, одно: "Это память об отце. Матушка, умирая, надела на меня. Единственное, что осталось от матери". Для всех завсегдатаев это было правдой, то единственное, что связывало её с прошлым, которое она почти не помнила.

Внезапно, над её головой раздался знакомый бархатный голос:

—Прошу прощения, Сударыня!.. – произнёс мужчина, склонившись над ней.

Он был одет в дорогой сюртук, а на его груди сверкал орден.

—Я вижу, что вы в беде.

—Я могу вам помочь.

—Есть один человек, который, возможно, знает, чей этот крест!.. – он указал на серебряный символ, – подождите ещё пару дней.

—Я всё устрою.

Зося, привыкшая к подобным предложениям от мужчин, лишь слабо кивнула. Она не верила в чудеса, но в этот вечер даже призрачная надежда казалась ей спасительной.

Мужчина, представившийся адъютантом графа Орлова, поклонился и исчез, так же внезапно, как и появился.

Прошло ещё два дня. И снова кабак –магическое место завсегдатаев. Зося, как всегда, была в стельку пьяна, что её не красило. К ней снова спешно подошёл тот же адъютант.

—Сударыня!.. – сказал он, его голос звучал мягко и настойчиво, – Алексей Григорьевич Орлов ждёт вас!..

—Прошу, пройдите со мной!.. – он обратился к ней на польском, – *Pani, proszę ze mną*".

Слова на родном языке, произнесённые незнакомцем, словно ледяной водой окатили Зою, та мгновенно протрезвела.

—Пан поляк?.. – выдохнула она, удивлённо глядя на него.

—Всё возможно, Сударыня... – ответил он с лёгкой улыбкой.

—Алексей Григорьевич Орлов желает с вами поговорить.

—Это может изменить вашу судьбу.

Зося колебалась. Страх перед "полицией нравов", перед неизвестностью, боролся с интуитивным чувством, что этот человек не желает ей зла. В конце концов, она согласилась.

Выходя из кабака в сопровождении адъютанта, и ещё одного мужчины, она спиной чувствовала на себе взгляды всех присутствующих.

Повышенный интерес, она поняла, был вызван не столько её пьяным видом, сколько крестиком, который она не снимала.

Офицер, заметив смятение молодой женщины, попытался её успокоить:

—Не тревожьтесь, Милочка.

—Возможно, это к лучшему.

—Вас взяли под свою защиту весьма влиятельные особы.

...Алексей Орлов встретил её с необычайной учтивостью. Он низко кланялся, внимательно разглядывая её лицо, а затем его взгляд остановился на крестике.

—Позвольте взглянуть!.. – попросил он, и, получив разрешение, взял его в руки.

—Я видел точно такой же у императрицы Екатерины Второй... – задумчиво произнёс он.

—Хотя тот был лишь копией.

— Настоящий ей не достался от Елизаветы.

—Откуда он у вас?.. – спросил он, и в его голосе появилась напряжённость.

—Мать мне отдала его незадолго до своей кончины... – ответила Зося, чувствуя, как учащается её пульс.

—Она сказала, что он укажет мне путь к моей семье.

Тихо признавшись:

— Отца я никогда не знала.

— Меня воспитал артист цирка.

Граф Орлов застыл. Его глаза изумлённо расширились. Неужели перед ним дочь Петра Великого?

— Вы в надёжных руках, сударыня!.. – заверил он её, и в его голосе прозвучало волнение. Зося, всё ещё немного одурманенная, полушёпотом, но так, чтобы граф её услышал, призналась:

— Я всегда чувствовала, что я – дитя царской крови.

Граф Орлов, выйдя из задумчивости, передал её своему адъютанту.

— Придумайте ей новое имя!.. – распорядился он, теребя рукой подбородок, – пусть её зовут Анастасия!

— Хотя, судя по ней, она хотела бы быть Елизаветой, но две Елизаветы прозвучат неправдоподобно...-- и тут же обратился к Зосе:

— Будьте послушны!.. – переглянувшись с адъютантом, он манерно добавил, – сделайте из неё настоящую даму.

— Через неделю я хочу видеть её на своём приёме!

Игра Судьбы

Адъютант, проникшись искренностью Зоси, заверил её в полном понимании.

—Я сделаю из вас принцессу!.. – пообещал он.

Новое имя, Анастасия, она приняла с лёгкостью, ведь ей не впервой приходилось менять обличье. Смекнув, что к чему, Зося решила взять у судьбы реванш. С присущей ей смекалкой, Зося мгновенно уловила суть происходящего. Перед ней открывалась дверь в новую, неведомую жизнь, и она, не колеблясь, шагнула в неё, готовая принять вызов судьбы. Адъютант Орлова, человек с пронзительным взглядом и властным голосом, требовал от неё полного откровения:

—Расскажите мне всё, до мелочей, всю вашу подноготную!..

Боясь напугать её своим натиском, произнёс:

—Иначе я не смогу вам помочь в восстановлении справедливости.

Намекая на ход дальнейших событий:

— Вы должны явиться скоро: чудом – царской дочерью!..

В этот момент Зося почувствовала, как в ней пробуждается забытый талант. Она включила всё своё воображение, в её глазах зажёгся огонёк.

Она начала с детства, с тех самых "воспоминаний", которые, казалось, были вытканы из самой ткани реальности, но при этом несли в себе оттенок сказки. Она рассказывала, как была рождена сущим ангелом, как мать дорожила ею, дескать, та лелеяла и оберегала как зеницу ока, хотя в жизни всё было ровно наоборот.

С каждым глотком рома, который она периодически прихлёбывала из предложенного бокала, её рассказ становился всё более хлёстким, всё более интригующим. Она говорила о лихолетьях, через которые прошла, о том, как выстояла, несмотря ни на что. Призналась, что жила с тёткой и матерью. Отчим, циркач, скорее был рабом матери, пытаясь прокормить их всех. От недоедания он заболел и умер, хотя, по сути, сбежал из их женского монастыря.

Она призналась, что они жили в старой комнатухе, где каждый день был борьбой за выживание, царил бедность. Мать Зоси, чьи руки уже не могли выполнять прежнюю работу, не приносила в дом ни гроша. А Зосе, юной и полной жизни, приходилось зарабатывать на пропитание, выступая на улицах. Она пела и показывала ловкие трюки, но скудные заработки едва покрывали самые насущные нужды.

Её истории, полные драматизма и правдоподобия, заставляли даже самых недоверчивых слушателей поверить в её слова, но не только их, кажется, что уже верила и она: А вдруг она действительно дочь Петра?

Она, часто шевеля губами, полупьяно напевала:

А вдруг, Малыш ты дочь Петра?

Загадка в сердце, как искра

Ах, Зося, кто ж на самом деле?

В чужой игре—жизнь – карусели.

Живёшь в плену своей мечты

В плену у правды или лжи?!

В большой игре, где ложь и блеск

Несёшь ты, Зося, отчий крест.

С этим таинственным крестиком на шее, Зося оказалась в совершенно ином мире – мире роскоши и изобилия. Но её терзали сомнения. Мать уверяла, что крест достался ей от отца, но что, если это ложь? Что, если она его украла? Эта мысль не давала ей покоя ни днём, ни ночью.

Неделя пролетела как миг, наполненная преобразованиями. Над обликом Зоси трудились лучшие мастера, а адъютант Орлова, словно зодчий новой реальности, вкладывал все свои силы в её перевоплощение.

И вот, на балу, перед графом Орловым предстала Анастасия – уже не та наивная уличная молодка, а блистательная "Княжна Тараканова".

Граф Орлов был поражён незнакомкой. Под маской богини скрывалась тайна, которую он жаждал разгадать. Он порхал вокруг неё, как юноша, чем, сам того не ведая, пугал её. Ведь камердинер представил её под новым, звучным именем, которое само по себе было загадкой.

Граф настаивал, чтобы она открыла ему свою истинную сущность. Гостья, обескураженная, призналась, что в этот дом её привел его адъютант, а она – Зося. Орлов был ошеломлен. Красавица!

Признаваясь себе, недоумевал:

— Это та самая полька из кабака?

Адъютант, сияя гордостью за произведённый эффект, вошёл в зал. Орлов, всё ещё ошеломлённый, признался, что чуть не получил сердечный приступ от такого поворота событий.

— Нужно предупреждать!.. – воскликнул он.

— А имя-то какое звучное, интригующее придумал!

Адъютант, с улыбкой, поделился откровениями, услышанными от Зоси, и заключил:

— Она – дочь Самого!

Орлов, приняв решение, тут же решил представить Зося, теперь Анастасию, собравшимся. Он хотел раскрыть её тайну, но при этом избежать паники, и не запятнать имя Петра. Он предложил объявить, что Зося-Анастасия – дочь Елизаветы.

История корректировалась на ходу, в режиме реального времени. Все участники этого импровизированного союза согласились. Теперь следовало говорить, что Анастасия жила инкогнито, чтобы не навредить матери, что она уважала и боготворила её.

Орлов поспешил пойти ва-банк, с утверждением того, что был посвящён в тайну императрицы.

Зал замер. Воздух сгустился от напряжения, словно туман над Невой. Сквозь эту тишину, как луч света, прорезающий мрак, шла она. Анастасия. Княжна Тараканова. Гордость, унаследованная от предков, струилась в каждом движении, в каждом изгибе стана. Она тоже шла ва-банк, ставя на кон самое дорогое – свою жизнь.

Орлов, с хищной улыбкой, гордясь самим собой, представил её:

— Моя находка!.. – улыбаясь ей, – Ваше величество!.. – искоса глядя в сторону присутствующих:

— Дочь самой Императрицы Елизаветы Петровны!

На лицах присутствующих застыли маски восторга, испуга и неподдельного шока. Юнцы, ослеплённые её красотой и дерзостью, тут же бросились к ней, осыпая комплиментами, заискивая. Их любопытные взгляды скользили по ней, словно по диковинной птице.

В зале царил напряжением, ощущаемое каждым присутствующим. Граф Орлов и его адъютант внимательно следили за каждым взглядом, каждым тихим словом. Словно два стража, они оберегали ими слепленную правду-тайну. Тревога, что вся эта затея окажется лишь рискованной игрой, начала отступать. На шее Анастасии сиял крест – подлинный, принадлежавший самому Петру Великому. Это открытие вызвало у Орлова бурный восторг, его смех, полный удали, эхом разнёсся по залу.

Позже, в уединении, он склонился к ней и прошептал:

— Теперь ты и моя нареченная дочь.

— Я хорошо знал Елизавету.

— Хотя, для дочери, ты, пожалуй, слишком молода...

Его взгляд, пронзительный и изучающий, обжигал. Анастасия, несмотря на это, дерзко фыркнула, восприняв его слова как своеобразный комплимент. Внутри неё разгорался пожар новых, неведомых чувств.

Орлов, ощущал это, его бросало то в жар, то в холод, он был с головой охваченный желанием.

Анастасия, известная в Константинополе как Зося, держала ситуацию под контролем. Она осознавала все возможные последствия, но была готова к ним.

—Для вас, Граф!.. – произнесла она твёрдым, как сталь, голосом, – я всегда буду ДОЧЕРЬЮ ПЕТРА!

Граф Орлов принял её слова к сведению, с сознанием того, что та лишь пешка в его игре, боясь мыслей вслух, подумал: "Пока я не свергну с трона немку, Катюку, которая продала Русь немцам, я, как русский, мщу за Русь".

Зося с любопытством всматривалась в его перекошенное злобой лицо.

—Кто вы? Благодетель или узурпатор?.. – прямо спросила она

—Неужели вы так мстительны?

Казалось, она, обладая эмпатией, прочла все его мысли. Та продолжила, наблюдая за ним:

— Говорят, вы даже были в неё влюблены.

— И, впрямь! Не ставьте мне ультиматумы!

Орлов был ошеломлён. Он понял, что ему придётся иметь дело с этой непростой дамой.

—Не стоит принимать такую позу!.. – сказал он вслух, – крест Петра!

—Елизавета, возможно, как дочь, носила точно такой же крестик...

— Так что удобнее, всё же, соотнести, что вы – дочь Елизаветы!..

Зося, пронизывая взглядом, твердо заявила Орлову:

—В личных разговорах, для вас, я – дочь Петра!

Орлов принял её слова.

...Весть о происходящем дошла до Екатерины. Она вызвала Кирилла Разумовского и Отца Петра, тех, кто вёл хронику, и знал все детали – кто, с кем, от кого и когда. Им предстояло отчитаться перед императрицей.

—Крест подлинный!.. – заверили они хором.

— Орлов сам его видел и держал в руках.

— Что касается Елизаветы, то та до последнего искала себе утешений...

Екатерина не верила в родство с ней.

Граф Орлов предстал перед императрицей, чтобы подтвердить слова княжны. Он передал ей услышанное от женщины из Константинополя.

—Похоже, мать этой особы действительно была одной из тех, кто согрел Петра... – без тени сомнений сообщил он.

Разумовский поспешил вставить от себя:

—Когда царь болел, существовала практика – девушки ложились с ним в постель, чтобы согреть.

— Пиявки не помогали.

—Еврейский лекарь посоветовал "женское тепло", желательно польских женщин, утверждая, что они горячи в постели.

—Видимо, действительно выписали "грелку" из Польши.

—Многие прошли через него в черед таких "грелок".

Заверив:

—Но крест не доставался никому.

—Беременели одна за другой...

—Пётр каждой говорил: "Это тебе царский подарок! "

Орлов подытожил:

—Подлинный крестик! Может любил?

Екатерина язвительно заметила:

—Дай волю! Наследников будет с пол-Европы...

В напряжённой атмосфере дворцовых интриг, где каждое слово могло стать роковым, развернулась драматическая сцена.

Разумовский жаждал узнать от Орлова все подробности, немедленно. Отведя в сторонку, провоцируя того, полушёпотом чуть ли не на ухо, сверкая глазами что-то негодуя говорил.

Разумовский, чья преданность трону была непоколебима, выступил с дерзкими обвинениями в адрес Анастасии. После чего он перешёл на крик. Его голос, обычно полный уверенности, дрожал от негодования, он ставил под сомнение происхождение польской девки и её право на престол. Он подозревал, что она могла быть связана с тайными махинациями, касающимися наследия Романовых, он угрожал начать расследование.

Граф Орлов, сохраняя внешнее спокойствие, лишь слегка прищурился, искоса наблюдая за игрой, в которой ставки были чрезвычайно высоки, он как бы невзначай тут же обратился к Отцу Петру, взглядом пытаясь найти немое подтверждение или опровержение словам Разумовского.

Однако, Отец Петр, смущённый и растерянный, на лету соображая, признался в невозможности всё знать, переведя разговор к тому что нет никаких сил уследить за всеми событиями. Он явно испытывал страх перед царствующей особой.

Разумовский крикнул Орлову:

—Смотри если всё это твои козни, тебе несдобровать!.. - уничтожая Орлова колючим взглядом, грозя пальцем.

Екатерина была довольна поведением Разумовского, однако несмотря на внешнее бесстрашие, в её глазах читались сомнения. Она приняла решение встретиться с некой там Анастасией, чтобы прояснить ситуацию.

Её слова звучали как приговор:

—Если Анастасия не сможет доказать своё право, её ждёт суровая участь!..

Обращаясь к Князю Голицыну, уже стоящему перед ней, Екатерина с ледяным спокойствием намекнула на возможные последствия для Анастасии: от ссылки в Сибирь до более мрачных перспектив.

Граф Орлов, почувствовав напряжение, попытался разрядить атмосферу.

—Ваше Величество, мои намерения чисты, уверяю вас!

—Я вам не враг!.. – произнёс он, и словно между прочим, поспешил добавить:

— Эта новоявленная, возможно, даже дочь Елизаветы.

—Молода на вид, и так же хороша! Влюбился бы!

Заметив, как побледнела императрица, Орлов понял, что зашёл слишком далеко. И, пока ситуация не вышла из-под контроля, он попытался перевести разговор.

Однако Екатерина не собиралась отступать. В последний момент её взгляд остановился на Орлове, и в нём читалось лукавство:

—На кого же похожа твоя пассия, Княжна Тараканова?

Зло хмыкая:

—Ты ведь у нас человек бывалый, часто бывал при царских дворах.

—Отличительные черты, наверняка, тебе хорошо знакомы?!

Она усмехнулась, поддразнивая вслух:

—Герой-любовник!..

—Может, и сам приложил руку к появлению дитя?

С кривой улыбкой:

—Хотя... Ещё не родился.

Лыбясь, со злым натиском:

—Выбирай: деньги, свобода или тюрьма?

Эта шутка, как стрела, выбила Орлова из равновесия. Но он быстро взял себя в руки.

Граф, нервно теребя кружева на манжете, пытался убедить императрицу в своей преданности. Слова лились потоком, сбивчивые, полные неуклюжих комплиментов:

—Ваше Величество, я вам не враг, клянусь честью!

—Просто... Просто она так молода, так... Новоявлена.

Замявшись:

—И вправду может быть, и дочь самой Елизаветы Петровны! – расшаркиваясь:

— Бог мой, как же вы хороши, Государыня!

—Влюбился бы, если бы не мой возраст, конечно!..– испуганно глядя на неё, – не до пассии, точно не знаю её возраста.

Оправдываясь:

—Явно колдунья!

—Есть в ней чертовщина!

—На вкус не пробовал, но на вид – Царица!

Екатерина, слушая его, почувствовала, как вновь чернеет в лице. Этот неуклюжий комплимент, эта намеренная двусмысленность, словно удар под дых. Она решила прервать этот неловкий разговор, пока он не перерос в нечто более опасное.

Она визгливо крикнула:

—Не повторяйся, заладил!..

Зло:

—Заставляешь и меня повторяться, нашёл девочку...

И уже задумчиво:

—Княжна Тараканова... – произнесла она, когда граф уже собирался ретироваться:

—И на кого же она похожа?

Кривя улыбку:

—Ходок...

—Отличительные черты, чай, всё же есть?.. – она усмехнулась, в её глазах мелькнул едкий огонёк:

— Повторяю, выбирай: деньги, свобода или каземат?

Сверля улыбочивым взглядом:

—С меня станет!

Эта шутка, брошенная с такой легкостью, выбила Орлова из равновесия. Он пробормотал:

—Лазал, Ваше Величество, лазал... –спеша сказать:

—Но детей никому не оставлял.

—А та, что отправила меня в ссылку на восемь лет– это другая история.

Екатерина улыбнулась, предвкушая скорую встречу. Сегодня Орлов будет в её постели.

—Покажи мне эту чертовку!.. – приказала она, и в этот момент ей показалось, что трон под ней опасно качнулся...

Тень на троне

Зося, или Анастасия, как она теперь себя называла, скрывалась от ищеек в подмосковных лесах. Тревога сжимала её сердце. Новое положение, роль претендентки на престол, казалось таким заманчивым, но таким хрупким.

Замок из песка, готовый рухнуть в любой момент. Как быть? Как встретиться с ней, с самой Царицей? Рассказать всё? Признаться? Она католичка, как и Екатерина, возможно, та и поймёт.

Но тут же мысль оборвалась. Нет, говорить вслух этого нельзя. Екатерина – православная. Даже Орлову она не признается. Он мстит женщинам, узнав её правду про крестик, он тут же сгноит в темнице.

А ведь по сути если всё же вспомнить подноготную отбрасывая все иллюзии, так сказать поднапрячь память, то этот крестик попал к ней случайно. Мать стирала на дому, и одна польская дама, отдавая вещи в стирку, обронила или оставила его в кармане. Так он и остался в их доме, у матери. Легенда родства пришлась ей по душе. И теперь этот маленький, незатейливый крестик стал её роковым знаменем.

...Екатерина, сидя в своём кабинете, чувствовала, как нарастает тревога. О ней писали, называли узурпаторшей, распутницей. Большая часть этого – ложь, клевета бездарных людшек, отвергнутых, с грязными руками. Но слухи о Княжне Таракановой, о её появлении, о её претензиях – это было уже нечто иное. Это была реальная угроза.

Она знала, что ту уговорят, скажут, что Царица не в гневе, мол, она желает видеть претендентку. И та, как бы ни боялась, как бы ни пряталась, скорее всего, согласится. И тогда... Тогда всё может рухнуть.

Екатерина, погружённая в размышления, наблюдала за темнеющим лесом за окном. В её душе боролись два чувства: жгучее любопытство и затаившаяся тревога. Кто эта загадочная особа, внезапно появившаяся в её окружении? Какова истинная сила, скрывающаяся за её маской? И что, если она окажется не просто очередной выскочкой, а реальной угрозой для её власти? С каждым мгновением тень на троне сгущалась, предвещая грядущие испытания.

Покинув Петергоф, Екатерина была охвачена смесью любопытства и беспокойства. Письмо от новоявленной Анастасии, наполненное сбивчивыми извинениями и туманными намеками, заставило её отложить все государственные дела. "Наверняка уговорили встретиться, сказали, что я не в гневе..." – размышляла она, выходя из кареты. Её тяготила эта таинственность, эта недосказанность. Что же скрывает от неё эта новая фрейлина?

...Тем временем Зося, теперь известная как Анастасия, стояла у окна, наблюдая за каретой. Сердце её бешено колотилось. Новое положение, роскошь, внимание – всё это пьянило, но ощущение хрупкости, нереальности происходящего не покидало её ни на минуту.

— Вот-вот и рухнет замок из песка... – прошептала она, прижимая руки к груди.

"Как рассказать ей, Самой Царице, о своей тайне? Может, признаться во всём? Католичка католичку поймёт!.." – мелькнула отчаянная мысль.

Та тут же пресекла её вслух:

— Нет, говорить вслух этого не надо. Она православная!

— Даже Орлову не признаюсь, – пугаясь, в который раз сказав себе:

— Он мстит женщине, сгноит в темнице... – вздыхая:

— Ох, уж этот крестик

Помнится, в детстве, она, Зося, играла с ним. Тогда ей было около двух лет, мать дала его, вслух сказав:

— На-ка, поиграй с крестом, только не пищи! Достала!

Соседям мать говорила, что крест от отца. Мол, тот служил опричником при Петре. И имя девочке дали при крещении в честь Софии, сестры Петра. И все в это верили! На крестике, действительно, клеймо Романовых.

Несмотря на то, что время притупило остроту чужих взглядов, и она сама привыкла к своей роли, в глубине души она всегда оставалась Петровой Дочерью, а не просто наследницей опричника.

Однажды, после исповеди, ксендз заметил на её шее крест.

—Откуда он у тебя?.. – спросил он.

Мать ответив за неё, поспешила сказать, что это подарок от отца. С тех пор священник стал частым гостем в их доме, всегда принося с собой гостинцы.

...Зося, которая втайне всегда считала себя Зофией, глубоко вздохнула. Она знала, что Екатерина обладает острым умом и проницательностью. Императрица наверняка заметит её волнение, её внутреннее смятение. Придётся быть осторожной, говорить намёками, избегая прямых ответов. Главное – не выдать себя.

Двери распахнулись, и в комнату вошла Екатерина. Её взгляд был изучающим, пронзительным. Зося сделала реверанс, стараясь скрыть дрожь в коленях.

—Милочка!.. – произнесла Екатерина, её голос был мягок, но в нём чувствовалась сталь, вздыхая:

—Ох, уж этот крестик...

—Как там тебя, Анастасия?

—Расскажи мне, что случилось?

—Что тебя так тревожит?

Зося подняла глаза. В глазах Екатерины она увидела не гнев, а скорее, любопытство и... Сочувствие. Может быть, всё не так уж и плохо? Может быть, она сможет довериться ей? Но страх, глубоко укоренившийся в её душе, не давал ей произнести ни слова. Она лишь опустила голову, чувствуя, как слёзы подступают к глазам.

—Говори, Анастасия!.. – повторила Екатерина, подходя ближе и кладя руку ей на плечо:

—Я здесь, чтобы помочь тебе!..

Зося подняла голову и посмотрела в глаза императрице. В этот момент она поняла, что должна рискнуть. Она должна рассказать ей правду, хотя бы часть её. Иначе этот замок из песка рухнет, погребя её под своими обломками. Она сделала глубокий вдох и начала говорить, запинаясь и путаясь в словах, но с каждым словом чувствуя, как тяжелый груз немного отступает от её сердца. Судьба её была в руках этой женщины, и она надеялась, что Екатерина сможет понять и простить её.

Крестик на перепутье

Екатерина отбыла из Москвы с тяжёлым сердцем. Любопытство боролось с тревогой, предчувствие чего-то неизбежного витало в воздухе. Ей обещали, что всё будет хорошо, мол, не стоит серьёзно относиться к непрошенной новоявленной девке, не стоит гневаться, но эти слова звучали неубедительно.

Зося, Анастасия, тоже была в смятении. Новое положение, которое она занимала, казалось ей хрупким, как замок из песка, готовый рухнуть от первого же дуновения ветра. Как ей быть? Один и тот же вопрос. Ответа нет. Как рассказать обо всем ей, самой Царице? Признаться? Её пробирала дрожь. Пребывая в догадках о будущем, сидя на кровати, в который раз она про себя твердила как мантру: "Католичка католичку поймёт!.." – пугаясь своих мыслей, тут же пресекая, оборвала себя, уже вслух:

—Нет, этого говорить нельзя.

Собирая себя всю в кулак:

—Даже думать запрещается.

—Она уже православная!

—Сгноит в темнице.

Как же тяжела плата, или, быть может, расплата за хранение этого родовитого крестика. Зося, встрепенувшись, сидя на кровати, вышла из оцепенения. Она утёрла слезу, не заметив, как кто-то вошёл.

Это был граф Орлов. Войдя, он, потирая руки, торжественно произнёс:

—Всё, скоро выезжаем в Петербург!

Молодая женщина, говорит, что она своей правды не изменит, не боится предстать Петровой Дочерью, что трон занимает не Романова. И не надо её ничем пугать.

Орлов радуется, понимая, что перед ним и впрямь настоящая царская кровь. Так держится, так говорит. В волнении, он присягает ей в верности, как царице по крови. Заверяя, что разделит с ней и меч и булаву, говоря, что идёт за ней до конца.

Она благословляет Орлова. Констатируя, что Господь любит сирот. Говоря, что раз она – дочь Петра, то, будет не шадя себя бороться за имя в миру. Целуя того трижды в лоб, чувственно и гордо. Это было так торжественно, что Орлов обмяк. Она была уверена, что завтра станет новым фаворитом у новой царицы.

...Страницы истории листались в запале молниеносно: Орлов бросает к её ногам своё богатство. Одевает, украшает всеми изысками из своего сундука.

Анастасия – ЦАРИЦА. В душе она надеется, что Великая Мадам её поймёт, и она ей понравится. Они вдвоем с ней оказываются... По иронии судьбы в западне.

Адъютант, сблизившись с Анастасией, признаётся, что видит в ней НОВУЮ РУСЬ, и будет рад ей помочь. Анастасия, с тревогой улыбается, говорит, что будет рада принять его участие, как долг Дому Романовых. Обещая вознаградить по-царски, уже за помощь и внимание. Тот от неё в восторге.

Анастасия видит, что воздействует на умы. Она повергает сердца. А это допускает одно, что она не лгунья.

Лжепринцесса поедет с намерением: БЫТЬ! Значит! Назад дороги нет.

Она едет не с ложью, а с верой. Верой в легенду, в крест, в свою судьбу. Она едет, чтобы стать той, кем всегда мечтала быть – Дочерью Петра. Пусть это безумие.

...В Зимнем дворце царила гнетущая тишина, нарушаемая лишь тихим тиканьем часов. Императрица сидела у окна, вглядываясь в сумрак петербургской ночи. В памяти всплывали лица, события, решения, каждое из которых оставило свой отпечаток на её судьбе. Сердце ныло от невысказанных слов, от тайн, которые она носила в себе. В голове роились мысли о

прошлом, о любви и предательстве, о власти и одиночестве. Она чувствовала приближение чего-то неизбежного, чего-то, что должно было случиться.

Екатерина ждёт

Царские ночи прошли в тревогах, они словно вязкое, душное болото, затягивающее в себя воспоминания. Перед глазами Екатерины проносились годы, как кадры старого, выцветшего кино. Орлов... Один, другой... Ах, Гриша! Настоящая любовь, такая, какой умеет любить только она, Екатерина.

Даже сейчас, когда сердце сжималось от умерших чувств, она не могла произнести вслух, что он – подлец. Безумная страсть, что охватила её, была сильнее всяких условностей. Она хотела, и родила от него, красавчика юнца, и лишь позже Павла...

...Как вчера... Она рожала, отрекалась, отдавала сына его отцу, стоявшему за дверью. Тот словно хищник, был готов поглотить добычу. Григорий Орлов забрал младенца, а повитухе приказал всем говорить, что мальчик умер при родах. Угрожал всем, кто посмеет проговориться. Не дай Бог, кому-нибудь сказать и ей, Екатерине – убьёт! Никто не должен при жизни Екатерины узнать об этом. Тайна под семью замками, погребённая под толщей дворцовых интриг и государственных дел. Екатерина, тоже верила, что сын мёртв.

Царские тревоги

Царица Всея Руси, всё же где-то, как-то допускала, как таковое, царское родство с "новенькой". Всем поступится, но не тронем. Русь – её Родина! И она русская по духу, до мозга костей. Не дай Бог идти против неё войной!

Она и есть – Русь! В душе императрицы, правительницы огромной державы, бушевала буря. Мысли о престоле, о судьбе России, о том, кто достоин носить царскую кровь, не давали ей покоя. Она готова была пожертвовать многим, но трон, символ её власти и ответственности перед народом, был неприкосновенен. Её сердце принадлежало России, её дух был русским до глубины души. Любой, кто осмелится посягнуть на её страну, столкнётся с её неумолимой волей.

Она признавалась себе, что ради России не пощадит никого, даже тех, кто был ей близок. Если же эта польская молодка, претендующая на царское происхождение, не будет угрожать трону, то её ждёт богатство. Сама Россия призвала её стать царицей, и она приняла это бремя с готовностью. С этим решением пришло облегчение.

Внезапно, тишину нарушил осторожный стук в дверь. Вошёл князь Голицын, заставив императрицу вздрогнуть. Она испугалась, что он мог услышать её внутренний монолог, её сомнения и страхи. Ведь в придворных интригах каждый готов был вывернуть наизнанку чужие тайны. Она понимала, что царская жизнь – это не сладкий мёд, а скорее горькая горчица, и её жизнь была на виду у всех, словно в стеклянной банке. Но Екатерина решила стоять до конца, не сдаваясь перед трудностями.

Она сидела, погрузив ноги в таз с соевым раствором, пытаясь снять отёки. Голицын нерешительно топтался у порога, тут же за ним показался и Разумовский.

Разумовский, желая угодить, посоветовал ей пить молоко с солью для снятия отёков. Екатерина же, с ноткой язвительности в голосе, ответила, что ничего не помогает, потому что она вся на нервах. Затем она обратилась к Голицыну, поручив ему разобраться с той девкой, которую притащил Орлов, и которая, по словам опять же той, имеет царскую кровь. В этот момент вошёл и сам Орлов. Екатерина потребовала от него признания в том, что та – подставная. На всякий случай она предупредила его о возможных последствиях.

Орлов, с испугом в глазах, глядя на Голицына, признался, что ту ему представил адъютант, найдя её в Константинополе. Всё, что он знал, это про её нательный крест. Больше он ничего не мог добавить, впрочем, как и убавить. Правда, как он сказал, свята. Крест Петра!

Екатерина, приняв решение, ощутила себя вершительницей судеб. С игривой усмешкой окинув взглядом присутствующих, она остановилась на Орлове, прожигая его взглядом, прошипела:

—Одно радуется – на тебя она не будет похожа!

Внезапная правда обрушилась на неё, как пощечина. Оказывается, некая бабёнка состоялась в связи с Романовым и понесла ребёнка. Теперь Екатерина была вынуждена, несмотря ни на что, найти ответ: что делать с этой полячкой? Ведь ей так не хочется прослыть "Убийцей"...

Её терзали сомнения. Разумовский, видя её душевные страдания, пришёл на помощь:

—Сначала нужно принять, рассмотреть. А потом..." – сказал он, намекая на дальнейшие действия.

Екатерина вслух поделилась тем, что беседовала со старой нянькой Елизаветы. Намёками расспрашивала о кресте, и та призналась, что, мол, тот пропал за полгода до смерти Петра. Искали везде, но не нашли. Боялись, что девки придадут это огласке, и у какой-нибудь из них он объявится. Крест должен был остаться Елизавете, переходя из поколения в поколение. Потом, дескать, придётся судиться и рядиться с ними.

Крест – прямое доказательство признания. Елизавета берегла род, как зеницу ока. Если кто-либо упоминал о царских детях, то тут же мать и дитя сажали в темницу. Нянька сказала, что эту, видимо, просмотрела.

Царица решила, что ей необходимо подержать в руках крест Романовых, а там уж судить да рядить – быть той девуле Романовой или нет?! Вслух добавила:

—Я правду люблю в людях!

—Это самое главное для меня!

—Судить буду, как ЦАРИЦА!

Жёстко:

—Женщиной перед ней не предстану!

Она кивнула Голицыну, велев ему "на дыбы подняться", но правды дознаться. Тот удалился, обещая, что всё будет так, как хочет его царица.

Тут же Екатерина обратилась к Орлову, подводя итог сказанному: верность он обязан хранить ей, а не польской девке. Она посмотрит, что и как. Объявила, что завтра будет осматривать родню.

Орлов вышел от неё весь в поту. В голове стучало: "Зачем ввязался в игру? Ведь сгноит, не простит".

Его адъютант пребывал в муках: Зачем он тогда в кабаке обратил внимание на Зосю, втянул, и её, и себя в эту игру? Сидела бы сейчас в Константинополе, ведь та ещё достаточно молода.

Тайна царского креста

Ночь выдалась беспокойной, полной предчувствий. Сон не шёл тем, чьи судьбы были тесно связаны тайной, окутывающей особу царской крови. Не дремала и старая няня, её морщинистые пальцы беспокойно перебирали край вышитого платка.

Грядущий день обещал стать переломным, и его грядущая тяжесть давила на грудь, словно нательный крест, который носила Анастасия, но который, казалось, уже не был её. Он ощущался чужим, укоряющим, символом пропасти, которая разверзлась слишком глубоко. Обратного пути не существовало.

Утренний туман обволакивал стены дворца, когда Анастасия, бледная, с глазами, полными невысказанной скорби, поднялась. Наряд, подчёркивающий её природное величие, казался на ней чужим. Она была царицей, красавицей, но ледяной, липкий страх не давал покоя. Громко окликнув адъютанта Орлова, она заявила о своей готовности к отъезду. Орлов, однако, отказался разделить с ней карету, его взгляд был полон невысказанного понимания, или, возможно, предостережения.

Прибытие во дворец Екатерины состоялось на заре. Орлов уже находился там, в покоях императрицы, но не вышел навстречу. Вместо этого он послал слугу. Екатерина, охваченная тревогой и волнением, ждала появления своей соперницы. Каждый звук у двери заставлял её сердце замирать.

Наконец, раздался стук. Резкий, властный крик Екатерины остановил всех у двери.

— Попрошу зайти, только её одну!

— Остальные!.. – голос её сорвался на фальцет:

— Все пошли ВОН!

Екатерина с тревогой наблюдала за тем, как в комнату неслышно ступает молодая женщина. Несмотря на собственное волнение, она не могла не отметить её изящество в столь судьбоносный момент. В её облике, в тонких чертах лица, Екатерине виделось что-то неуловимо знакомое, как следствие тревожного наваждения – действительно напоминающее Лизку. Не желая спугнуть гостью или услышать ложь, Екатерина почувствовала, как в ней пробуждается нечто материнское.

— Вы, Милочка... – начала Екатерина, стараясь смягчить свой голос:

— По-прежнему настаиваете, что вы царских кровей?

Она приблизилась, пристально разглядывая крестик, покоившийся на груди Анастасии.

— И всё же, скажите откуда он у вас?.. – спрашивая, глядя прямо в лицо:

— Нашли где-то или же кто-то отдал?.. – тут же добавляя с нажимом:

— Говорите правду!

— Покажите крест!

— Перед вами Царица!

— Екатерина Вторая!

Княжна Тараканова не выказывала ни малейшего страха. Спокойно окинув Екатерину взглядом, она оценивала её с головы до ног. Перед ней стояла полная женщина, внешне годившаяся ей в матери, хотя по возрасту они, скорее всего, были ровесницами. Эта мысль придала княжне уверенности. Взгляд Анастасии заставил Екатерину почувствовать себя неуютно. По спине пробежал холодок. Она поняла, что этот разговор будет непростым, что перед ней стоит сильный противник.

Княжна сняла крестик и протянула его Екатерине. Взяв украшение, Екатерина убедилась в его подлинности – на кресте стояло клеймо.

Испытание благодатью

В просторной комнате, облачённая в скромное, но безупречно чистое платье, стояла Княжна. Тревога, обычно омрачавшая её взгляд, уступила место странному, умиротворённому сиянию. Она подняла руки, словно приветствуя невидимое присутствие, и её чистый, звонкий голос наполнил пространство:

—Благодарю Тебя, Господи Отец, за дар жизни!

—Благодарю моих родителей за их безграничную любовь, и за то, что даровали мне эту жизнь!

—И за царскую кровь, что течёт в моих жилах!

—Всё, что я пережила, все горести и испытания прошлого, и даже то, что терплю сейчас – всё это было лишь ступенью.

—Ступенью к прощению и к великой благодати, что нисходит на меня ныне.

Екатерина, наблюдавшая за ней, внезапно почувствовала, как почва уходит из-под ног. Слабость охватила её тело, колени подогнулись, присев на ближайший стул, она едва слышно прохрипела:

—Что-то происходит с моей головой ...

Хватая ртом воздух:

—Или ноги подводят.

—Не понимаю.

Она пристально взгляделась в княжну, пытаясь уловить хоть малейшую фальшь:

—А маменька твоя, значит, была хороша?

—Пётр был разборчив.

—С какой-нибудь корявой он бы в постель не лёг.

Княжна улыбнулась, и в этой улыбке было столько искренности, что Екатерине стало ещё хуже.

Та парировала:

—Моя маменька была прекрасна, Ваше Величество.

—Не только внешне, но и душой.

—Она любила Петра, даже на расстоянии, молилась за него, любя.

—Её сердце было полно нежности и преданности.

Заметив дрожь в руках Екатерины, княжна вдруг осознала, где находится. Это был не вопрос, не суд. Она перевела взгляд с Екатерины на свои руки, словно проверяя их реальность.

Екатерина, пытаясь унять дрожь в душе, прошептала себе:

—Неужели, передо мной стоит дочь Петра?

—Глаза и уши не лгут.

— Это абсурд!.. – она подняла взгляд на княжну и спросила в лоб:

—Почему же ты не согласилась предстать передо мной как дочь Елизаветы?

—Это было бы куда реалистичнее.

—Алексей Орлов именно так тебя представлял.

—Испугалась солгать?

Княжна спокойно ответила:

—Чужое имя! Стыдно на себя брать!

—Да и корысти нет никакой.

—Я – дочь Петра Великого, и мне не стыдно в этом признаваться.

Екатерина почувствовала, как слова княжны, словно плевок, обожгли её. Она приняла это как факт, как новую, нежеланную истину: Крест, действительно, имеет место быть... Царский! И тут же как необратимое пронеслось в её голове: Эта полька, эта "никто", как она могла

получить такой крест? Она не верила ни единому слову, полагаясь на свой внутренний голос, который никогда её не подводил.

—Я даю вам время !..– произнесла Екатерина, её голос стал жёстким:

—Но ненадолго.

—Прощайте!

—Вас проводят!

В этот момент в комнату вошли Алексей Орлов и Кирилл Разумовский. Каждый из них, казалось, ждал чего-то своего, чего не знал никто.

Екатерина обратилась к Орлову:

—Отправьте эту даму в ссылку, под домашний арест.

Становясь каменным изваянием правосудия:

—А пока Разумовский будет копаться в бумагах, искать царский след, князь Голицын займётся дознанием.

Анастасия, услышав о домашнем аресте, не смогла сдержать себя. Выезжая из дворца, она вышла из-под самоконтроля. Её крик разнёсся по всей округе:

— Я – РОМАНОВА!

Её слова привлекли внимание простых людей, крестьян, проходивших мимо. Она кричала им, умоляла о помощи, называя себя настоящей царицей. В её глазах горел огонь отчаяния и непоколебимой веры в свою правоту. Глотая слёзы, она, шёпотом напела мантру:

А ты, Малыш всё ж дочь Петра

И правда в сердце, как искра

Не Зося ты на самом деле—

Царица ты—жизнь – карусели.

Живи в плену своей мечты

В плену у правды, а не лжи

В большой игре, где ложь и блеск

Неси тяжёлый— божий крест.

Тень Романовых

Шло время. Слухи, словно ядовитый плющ, обвивали Анастасию, проникая в самые тёмные уголки дворцовых коридоров. Шёпот превращался в ропот. Её, некогда гордую и статную княжну, теперь жалели. Жалели, но и боялись. И этот страх, как грибок, рос на глазах, питаемый неизвестностью. По приказу Голицына, без лишних церемоний, её отправили в каземат.

Екатерина, чьё сердце было закалено интригами и подозрениями, не верила ни единому слову Анастасии.

—В крепость!.. – прозвучал её приказ.

И холодные стены темницы приняли новую узницу. Но страх, этот неуловимый враг, начал терзать и саму императрицу. Что, если эта полька – действительно Романова?! Что, если её появление – лишь предвестник бури, которая сметёт, и её, Екатерину, с трона?! Народ, чувствуя надвигающуюся грозу, затаил дыхание. Все ждали развязки.

Время текло медленно, наполненное сыростью, темнотой и шорохом крыс. Каземат не пошёл на пользу Анастасии. Её дух, некогда несокрушимый, начал угасать. Екатерина, наблюдая за этим падением, испытывала странное удовлетворение. Разумовский, тем временем, тщетно рылся в бумагах, пытаясь найти хоть какое-то доказательство вины или невинности. Голицын вёл дознание, его лицо становилось всё более измученным.

Граф А. Орлов, назначенный надзирать за княжной, проникался к ней чувствами, которые выходили за рамки долга. Сострадание перерастало в нечто большее, граничащее с любовью.

Всех мучил один вопрос, одна мысль, одна ирония судьбы: Что, если эта полька, возможно, невинная, пострадает из-за возможного родства? Орлов не спал. В тишине своей комнаты он вслух признавался себе:

—Привёз бабёнку на погибель...

Анастасия, задыхаясь от страха, шептала:

—Неужели погибель найдёт меня здесь?

Голицын был на грани срыва. Он был убеждён: Княжна – дочь Петра. Искренне жалел полячку, которую, как он считал, несправедливо бросили в эту бездну.

Оставалось два последних дня

В тусклом свете коморки, где царил полумрак и смрад, появилась фигура, контрастирующая с убожеством окружения. Екатерина, облачённая в роскошный бархат, расшитый золотом, ступила на грязный пол. Перед ней, в хаосе и грязи, метались другие женщины, их вид был далёк от приличий. Среди них, растрёпанная и испачканная, с мёртвой крысой в руке, стояла Анастасия.

Императрица, с едва заметной, но язвительной усмешкой, обратилась к ней:

—Посмотрите на себя!

—Неужели это достойный облик?

—Вспомните Отца!

—Он бы не оставил такое без наказания!

Анастасия, собрав остатки сил, подняла взгляд на Екатерину. В её глазах, несмотря на изможденность, мелькнула искра. Она знала истину, знала, что перед ней незаконная правительница, а самозванка. Это знание стало её опорой.

—Я помню, чья я дочь!.. – произнесла она, и в её голосе, несмотря на внешнюю покорность, звучала сталь:

—Я не отрекаюсь от своего отца!

—И пусть вам, Екатерина, ваш нательный крест станет укором!

—Я прощаю ваш сарказм, Мадам.

—Но там, наверху, вам этого не простят.

—Господь не простит вас...

В этот момент перед Екатериной возник призрак. Образ Петра, живого и грозного. Он, казалось, сжимал кулак, и из его уст прозвучала угроза:

—Не трогай мою дочь!

Екатерину охватил леденящий ужас. Её бросило в жар, стало дурно. С испугом она прошептала:

—Боже, стоит ли её наказывать?

В этот момент в её глазах уже разгоралась решимость. Уверенная в своей правоте, она произнесла:

—Стоит! Я её казню!

Кровавое пятно на кресте

В тесной, пропахшей сыростью и страхом комнатке, где обычно царила гнетущая тишина, сегодня произошло нечто иное. Княжна, обычно робкая и пугливая, излучала теперь ледяное спокойствие. Её глаза, обычно потупленные, горели странным, потусторонним огнём.

—Этой ночью мне приснился сон...— произнесла она тихим, но твёрдым голосом, который звучал как приговор.

—Вы убьёте меня.

—Я заранее прощаю вам этот грех.

—Но вам придётся нести тяжкое бремя.

—Я стану вашим кровавым пятном, буду являться по ночам, обвиняя в смертных грехах.

—Мне было сказано свыше, что вы, Матушка – Великая грешница.

—За вашей спиной множество жизней, могу перечислить....

—Одна из них Елизавета...

—Ваш суд ещё впереди!

—А сейчас вы разжигаете костёр...

Екатерина, услышав эти слова, почувствовала, как под ногами разверзается бездна. Она едва не потеряла сознание, но, собрав последние силы, устояла, вцепившись в напыщенную ткань своего платья. Внутренний огонь, о котором говорила княжна, действительно разгорался в ней, обжигая до самых костей.

—Дайте мне крест!.. – прохрипела она, протягивая дрожащую руку:

—Я поставлю условие.

—Если он будет холодным, я тут же отпущу вас, наглуую девку!

Княжна, с явным отвращением, протянула ей небольшой деревянный крестик с серебряным распятием. Екатерина сжала его в ладони. Он был тёплым. Облегчение, смешанное с ледяным ужасом, окатило её. "Всё, Девка, тебе подписан смертный приговор!.. – подумала она с мрачной торжественностью, – крест тебе не помог!"

Молча, не глядя на княжну, Екатерина вернула крест. Она вышла из комнаты, ощущая в груди тяжесть и усталость, словно после изнурительной битвы. Сдержанно, роняя скупую слезу, она направилась в коридор.

Там её уже ждали. Разумовский, Орлов, Голицын – их лица были напряжены, полны ожидания. Екатерина, обессиленно, выдавила:

—Привезли на погибель, теперь казнить...

—Конец!

—Жестоко с вашей стороны!

—Не стоило затевать интрижку с царицей!

—Я чиста!

—Девка призналась мне, что крест не её.

—Через 48 часов, чтобы духу её не было на Русской земле!

—Осквернила, паршивка! От неё здесь смердит!

Она зажала рукой нос, отворачиваясь, на ходу, безразлично бросила:

—Решайте сами, что и как.

—Узел разрубила – она авантюристка!

—Впредь! Больше ничего не хочу слышать о ней!

После того, как Екатерина вышла, в коридоре повисла напряженная тишина. Разумовский, с укором глядя на Орлова, произнёс:

—Я готов плюнуть в тебя!

Орлов, вне себя от ярости, ответил:

—Вы же слышали, что та призналась.

—Таких, как она, надо вешать или в костёр!..

Разумовский, ошеломлённый и потрясённый ханжеством, в сердцах подытожил:

—Вот так, значит...

—Истина всегда где-то посередине, а мы, как всегда, выбираем крайности.

Вещий сон Екатерины

Ночь опустилась на Петропавловскую крепость, окутав её мрачной пеленой. В сырых казематах, где воздух был густым от запаха плесени и безысходности, Княжна Анастасия металась в лихорадочном сне. Её измученное голодом и заточением тело сотрясалось от невидимых страданий.

... Тем временем, в роскошных покоях Зимнего дворца, Екатерина, раздираемая противоречивыми чувствами, не находила себе места.

В другой комнате собрались трое – Голицын, Разумовский и поодаль от них Орлов, верный, но вспыльчивый слуга, который как затравленный зверь метался взад и вперёд. Его голос срывался на крик:

— Неужели вы верите? Ведь крест Петра на ней с детства!

Голицын с укором взглянул на собравшихся:

— Не терзайте душу!

— Знаю! Может, и дочь Петра!

Орлов, задыхаясь от негодования, произнёс:

— Не следовало ей кричать так громко.

— Подползла бы к Екатерине, как змея... -- удрученно:

— Сама подписала себе смертный приговор.

Разумовский, обычно невозмутимый, стоял бледный, как полотно:

— Вам что в лоб, что по лбу.

— Прощайте!

— Отныне руки я вам не подам.

Голицын, словно тень, бесшумно исчез, спешно направившись к Екатерине. Она лежала в постели. Увидев на её лице немое негодование, он вышел, оставив её наедине с терзающими мыслями. Екатерина, проводив его взглядом, отвернулась и в муках уснула. Кульминацией её страха стал сон.

... Ночью, когда город спал, Екатерина, облачившись в тёмный плащ, тайно, без свидетелей, направилась к стенам крепости. Её сердце билось в унисон с тревогой, охватившей её. Она знала, что идёт на риск, но что-то гнало её вперёд, что-то сильнее страха и здравого смысла.

Оказавшись в темнице, где томилась княжна, Екатерина почувствовала, как её собственная душа погружается в бездну. Она увидела себя, стоящую перед Господом, и услышала свой собственный голос, произносящий слова, полные надменности и страха относящиеся к Анастасии:

— Вы согласитесь стать моей приёмной дочерью?

Внезапно, словно эхо из седых веков, раздался голос, от которого кровь Екатерины застыла в жилах:

— Нет, Мадам!

— В моих глазах вы – самозванка!

— Я – дочь Петра, а вы гноите меня в каземате.

— Этого вам не простят ни Петр, ни Елизавета!

— Никогда!

— Жизнь не заканчивается со смертью.

— Увидимся на том свете.

— Я же останусь при любом вашем решении...

— Мученицей на Руси!

— А вы – тиранкой! Самозванкой!

— Русь... Смерть дочери Петра вам не простит!..

...Екатерина проснулась в холодном поту. Слезы текли градом, смывая с её лица остатки сна и иллюзий. Она была верующей, верила в иную жизнь, где каждому воздастся по заслугам. Мысль о грядущем наказании за свои деяния заставила её содрогнуться.

Наутро, едва рассвело, она призвала духовного отца. Перед ним, в слезах и раскаянии, она призналась в своих грехах:

—Я грешна, отче!

—Может быть, и так, что Анастасия – дочь Петра...

—Это клеймо настоящее, но я не могу допустить хаоса на Руси.

—Русь ещё слабо стоит на ногах.

—Прошу, отпустите мне грех, я осознаю свои проступки, и то, что Анастасия – всего лишь отмытая девка— это факт.

—Я... Я – Царица Русских земель!

—Та пришла не вовремя на эти земли.

Она упала на пол, рыдая из всех сил. Казалось, плакала не только её душа, но и всё тело. Отец Пётр, глядя на жалкое зрелище, на царицу, чьё лицо было смыто слезами, не мог вымолвить ни слова. Его взгляд, полный сострадания, остановился на ней. Наконец, тихо, словно шёпот ветра, он произнёс:

—Отпускаю!

—Да простит тебя Господь, Дитя!

Но в глубине его глаз Екатерина увидела не только прощение, но и предчувствие грядущих испытаний.

Вещий сон, словно зеркало, отразил её страхи и сомнения, и теперь ей предстояло жить с этим знанием, с этим грузом на душе, в ожидании того, что принесёт ей будущее.

Екатерина встала, велев завтра принять покаяние княжны и не жалеть её. Саму же княжну, как самозванку, она уже вычеркнула из списка живых.

Отец Пётр удалился, еле живой, потрясённый. По его лицу градом катился пот.

...Рассвет застал его на пороге кельи. Предстояло выслушать исповедь, принять покаяние. Внутри всё дрожало, но он переступил порог.

Княжна ждала. На сене, раскинувшись, словно пригвождённая, с рыжей волной волос, рассыпавшейся вокруг головы. Он замер, объятый ужасом. Она поднялась, опустилась на колени, в её глазах не было слёз. Голос звучал ровно, когда она начала исповедь, соблюдая все православные каноны. Грех тяготел над ней, но жизнь не оставила ей выбора, втоптала в самую грязь. Он понимал, что Господь увидит это.

Она говорила о себе, как о дочери Петра, подчёркивая это с отчаянной гордостью. Говорила о Екатерине, о том, что придёт день, когда та признается в своём злодеянии – в убийстве дочери Петра. Просила прощения для Екатерины и для себя. Вверяла свою судьбу Господу, надеясь на новую жизнь.

Слова иссякли, и она рухнула без сознания. Отец Пётр стоял, обливаясь потом. Силы покидали его. Он был слишком слаб, чтобы принять такое покаяние.

Окутив её ладаном, трижды осенив крестом, он, покидая келью, прошептал пересохшими губами:

—Прощена...

—Да сжалятся над тобой Небеса...

P.S. Это лишь одна из бесчисленных историй. Сколько ещё их будет, этих легенд о Княжне Таракановой...

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Июльский смрад

Екатеринбург, июль 1918 года. Воздух был густым, как кисель, пропитанным не только летним зноем, но и чем-то более зловещим – смрадом пороха, смешанным с едким запахом страха. Этот запах, казалось, вьелся в стены домов, в пыль на мостовых, в самую душу города. Революция, ещё недавно гремевшая лозунгами о свободе и равенстве, теперь дышала холодом и смертью.

В подвале дома Ипатьева, этого неприметного особняка, ставшего последним пристанищем царской семьи, оборвались жизни. Не просто жизни, а целая эпоха. Оборвались они не в бою, не под залпами вражеских орудий, а в тишине, под прицелом своих же. Революционная целесообразность, этот безжалостный молот, перемальвающий судьбы во имя светлого будущего, обернулась здесь кровавой бойней.

Исполнители. Они были разными. Кто-то – фанатично верующий в новую идеологию, кто-то – просто солдат, выполняющий приказ, кто-то – человек, сломленный обстоятельствами, вынужденный идти против своей совести. Но всех их объединял этот смрад, этот липкий, проникающий в самые глубины души страх. Страх перед тем, что они сделали. Страх перед тем, что это может обернуться против них самих.

Они вышли из подвала, когда всё было кончено. Лунный свет, пробивавшийся сквозь грязные окна, казался им теперь нестерпимо ярким, обнажающим их грехи. На их руках, на их одежде, на их лицах – везде был этот след. След крови, след преступления.

В их глазах не было триумфа. Была лишь пустота, застывшая боль и отчаяние. Они видели не врагов, не контрреволюционеров, а людей.

Людей, чьи жизни они оборвали. Женщин, детей... Образы, которые теперь навсегда поселились в их сознании, как непрощенные гости, терзающие их покой.

Революционная целесообразность требовала жертв. Но никто не говорил, что эти жертвы будут так мучительно отзываться в душах тех, кто их приносил. Никто не предупреждал, что кровавая бойня, совершённая во имя светлого будущего, оставит такую незаживающую рану.

Город жил своей жизнью. Люди спешили по своим делам, стараясь не замечать тревожных знаков, не вслушиваться в шёпот слухов. Но в воздухе висел этот смрад. Смрад пороха и страха. И он был не только в подвале дома Ипатьева. Он был повсюду. Он был в сердцах тех, кто совершил это. И он был в истории, которая теперь писалась кровью, оставляя в душах исполнителей незаживающую рану, напоминающую о том, что даже самая благородная цель не может оправдать бесчеловечность.

Охваченный ужасом увиденного, Пётр, один из охранников, бросился в подлесок, пытаясь заглушить тошноту и страх. Внезапно в кустах мелькнуло движение. Сердце ёкнуло, предчувствуя нечто невозможное.

Там, свернувшись клубочком, сидела девочка в простой крестьянской одежде. Её била дрожь:

—Извините...

—Мне плохо...

—Помогите...

Она с испугом смотрела ему в глаза.

—Я боюсь... – прошептала она.

Пётр застыл, как вкопанный.

—Что ты здесь делаешь? Кто ты?.. – спросил он, стараясь говорить мягко, чтобы не напугать это хрупкое создание, но голос всё равно звучал напряжённо.

Девочка подняла на него огромные, полные слёз глаза. В них отражался тусклый отблеск страха, словно смрад, заполнивший уголок ещё вчерашнего рая.

—Меня привёл доктор Боткин... – прошептала она.

—Он сказал сидеть здесь и если что, то всем говорить, что у меня дизентерия.

Пётр огляделся. Боткин? Доктор Боткин? Человек, чьё имя было синонимом надежды и спасения для многих, теперь замешан в чём-то столь странном и подозрительном. Зачем ему прятать девочку? Зачем эта ложь про дизентерию? По спине Петра пробежал холодок.

—Как тебя зовут?.. – спросил он, стараясь говорить, как можно спокойнее.

—Анастасия... – тихо ответила она.

Это имя, произнесённое с такой робостью, словно эхо из далёкого прошлого, заставило Петра замереть ещё сильнее. "Анастасия? Царская дочь? Не может быть. Это просто невысказано". В сознании мелькали газетные вырезки, слухи, домыслы.

—Царская дочь, что ли?.. – вырвалось у него, почти не дыша. Вопрос был полон неверия и трепета.

Девочка, собравшись с духом, словно готовясь к новому удару судьбы, кивнула:

—Да.

—Я – Пётр... – он огляделся. Никого.

Присев перед ней, он постарался быть как можно ближе, как можно понятнее:

—Но... Как ты здесь оказалась? Почему ты не... – он не знал, как закончить:

—Почему ты не там, где должна быть?

—Почему ты здесь, в таком виде?

—На мне одежда Анны... – в её голосе слышна нотка отчаяния:

— Она отдала. Сжалилась надо мной... – уже смущённо добавила:

—У меня и вправду болел живот".

Словно сдерживаемая долгое время вода, хлынула речь Анастасии. Её рассказ, прерываемый всхлипами и дрожью, был полон боли и унижения. Она поведала о доброй служанке Анне, которая, рискуя собой, поменялась с ней одеждой. До того Анастасия, испачкав свою, вынуждена была провести целый день в страхе и стыде, прячась в укромных местах, испытывая нешуточные симптомы дизентерии.

Вместе с ней была и дочь Боткина. Они по очереди менялись одеждой с Анной, пытаясь замести следы отсутствия по нужде. Но в какой-то момент, блуждая по подлеску, они потеряли друг друга из виду. Обе, страдая от боли в животе, разминувшись, и больше они не виделись. Анастасия не знала, что стало с дочерью Боткина, так же, как и с Анной, их спасительницей.

Пётр слушал, понимая, что часть этих симптомов могла быть вызвана страхом и пережитым ужасом. Он осознавал мужество Анны, которая, рискуя собой, шла на этот шаг, чтобы спрятать их. Оглядевшись, он не увидел следов дочери Боткина. Анастасия же, продолжала выговариваться, освобождаясь от груза пережитого страха.

Пётр слушал, и каждый её рассказ, каждая деталь, словно острый осколок, впивались в его душу. Он видел перед собой не просто девочку, а символ утраченной надежды.

Та, чьё настоящее имя было Анастасия, теперь же по иронии судьбы была никем, с трудом сдерживала дрожь. Её тонкие пальцы сжимали край грубой льняной рубахи, которая теперь была на ней. Эта рубаха, как и юбка из такого же материала, принадлежала Анне, служанке, которая в этот день сыграла роль её спасительницы, и, одновременно, став в безнадёжной неизвестности источником её нынешних страданий.

—Ты не поверишь, Пётр, что со мной случилось... – начала та, её голос был тихим и прерывистым.

Она сидела в кустах, стараясь не двигаться:

—Всё началось с того, что я... Я испачкала своё платье.

— Очень сильно испачкала.

—Не спрашивай, как, просто испачкала.

—И Анна, моя служанка, она...

—Она предложила поменяться одеждой.

Пётр, стоявший напротив, внимательно слушал. Его взгляд, ещё недавно полный суровой решимости, теперь смягчился. Перед ним была не наследница престола, а испуганное дитя, нуждающееся в защите. Перед ним встал выбор: доложить о случившемся, но тогда что ждёт эту девочку? Он не мог этого допустить.

Та продолжала открывать свою душу:

—Анна сказала, что её платье чистое, и что никто не заметит.

—Я... Я согласилась.

—Думала, это ненадолго. Но потом...

—Потом началось...-- та поморщилась, прижимая руку к животу:

—Сначала просто заболел живот.

—Я думала, это от страха, от того, что я сделала.

—Но потом... Потом стало хуже.

Она замолчала, её глаза расширились от воспоминаний:

— Я не могла больше сидеть.

—Мне пришлось... Пришлось бежать.

—Сначала в уборную, потом... Потом в кустики за домом.

—И так весь день.

— Я не могла ни есть, ни пить.

—Только и сидела там, в этих... В этих крестьянских одеждах, и мне было так стыдно, так больно.

—Ты думаешь, это от страха?.. – спросил Пётр, его голос был мягким, но настойчивым.

—Я не знаю!.. – воскликнула она, и в её голосе прозвучала настоящая паника:

— Может, это дизентерия.

—Может, я что-то съела не то.

—Но я чувствовала себя так плохо. Так плохо.

—И каждый раз, когда мне становилось хуже, я думала о том, что я сделала.

—Что я обманула всех. И мне становилось ещё хуже.

Она посмотрела на Петра с мольбой в глазах, спеша выговориться:

— Анна...

—Она тоже выглядела испуганной.

—Она тоже, кажется, не ожидала такого.

—Она...

—Она периодически менялась одеждой и со мной, и с дочерью Боткина.

Тяжело вздыхая:

—Когда мне становилось совсем плохо, она брала моё платье, а мне отдавала своё.

—Когда было плохо дочери Боткина менялась с той.

—Мы все были в ужасе.

—Боткин нас выводил по подземным коммуникациям наружу, к подлеску.

—На выходе всегда давая нам выпить лекарство.

В голове Петра зародилась дерзкая мысль, рискованная, но, возможно, единственная возможность спасти её. Он должен был изменить её судьбу, выдать за другую. За простую крестьянскую девочку, потерявшуюся в лесу.

—Слушай меня внимательно!.. – произнёс он, заглядывая ей в глаза:

—Ты больше не Анастасия. Ты... Ты Варвара.

—Поняла? Варвара.

—Ты крестьянская девочка, заблудилась в лесу.

—Ты ничего не знаешь о царе и его семье.

—Поняла?

Девочка кивнула, в её глазах затеплилась надежда.

—А что будет дальше?.. – прошептала она.

Пётр вздохнул:

— Дальше, Варвара, ты будешь жить.

—Ты будешь жить простой жизнью.

—Тебя никто не будет искать.

—Ты будешь в безопасности.

—А я... Я позабочусь о том, чтобы никто не узнал правду.

Он протянул руку и осторожно коснулся её плеча:

— Сейчас тебе нужно отдохнуть.

—А завтра мы начнём новую жизнь.

—Жизнь Варвары, заблудившейся в лесу.

Анастасия в лице Варвары, кивнула. В её глазах всё ещё был страх, но теперь к нему примешивалась искорка надежды. Она не знала, что ждёт её впереди, но одно она знала точно: Её прежняя жизнь закончилась. И началась новая, полная неизвестности, но, возможно, и спасения.

Анна, служанка, которая так неосторожно предложила поменяться одеждой, теперь стала частью этой тайны, частью её новой, крестьянской судьбы. И, возможно, тоже была благодарна за этот странный, болезненный обмен. Если конечно она не вернулась в ипатьевский дом, где царил Армагеддон.

...Воздух был густым от дыма и криков. Огонь пожирал деревянные постройки, превращая их в обугленные скелеты. Паника, словно дикий зверь, терзала сердца людей, заставляя их метаться в поисках спасения. Среди этого хаоса, буквально в ста метрах от происходящего, в кустах в коконе пепла, была она. Хрупкая, почти невесомая, с глазами, полными немой ужаса.

Пётр, видя, как та уворачивается от пепла, ужаснулся. Сердце его сжалось от жалости и ярости. Он знал одно – оставить её здесь, обречь на участь её родни, он не мог.

—Дальше... Дальше я тебе помогу... – прохрипел он, склоняясь над ней. Голос его был хриплым от наступающего дыма, но в нём звучала непоколебимая решимость:

— Я тебя спрячу. Я тебя спасу.

Он подхватил её на руки. Она была такой лёгкой, словно птица, словно пушинка, принесённая ветром. Её тело дрожало, но она не сопротивлялась, лишь прижалась к нему, ища опоры в этом мире, который рушился вокруг. Её тонкие пальцы вцепились в его грубую рубаху, словно в последнюю надежду.

Пётр, не обращая внимания на боль в ногах и жжение в глазах, понёс её прочь. Прочь от этого проклятого места, прочь от хаоса и ужаса, который царил здесь. Каждый шаг давался ему с трудом. Земля под ногами была неровной, усеянная острыми осколками. Но он шёл, ведомый лишь одной мыслью – спасти эту хрупкую жизнь.

Он видел, как люди бегут в разные стороны, как их лица искажены страхом. Но он не останавливался, не оглядывался. Его взгляд был устремлён вперёд, туда, где, как он надеялся, было безопасное место. Место, где он сможет дать ей приют, залечить раны и вернуть ей веру в жизнь

Её голова покоилась на его плече. Он чувствовал её дыхание, такое слабое, но такое живое. Это дыхание было для него самым ценным звуком в этом адском грохоте. Он шептал

ей слова утешения, хотя, и сам не знал, что именно говорит. Главное – чтобы она слышала его голос, чтобы знала, что она не одна.

Он нёс её через горящие поляны, через завалы, через мелькающие тени обезумевших людей. Каждый метр был испытанием, но каждый метр приближал их к спасению. Он чувствовал, как силы покидают его, но мысль о ней, о её хрупкости и незащитности, придавала ему новые силы.

Наконец, он увидел вдали очертания чащобы. Тёмная стена деревьев казалась спасительным убежищем. Он ускорил шаг, насколько это было возможно, чувствуя, как последние силы покидают его.

Добравшись до опушки, он осторожно опустил её на траву. Она была бледной, изможденной, но в её глазах, казалось, появился слабый проблеск надежды.

—Мы здесь... – прошептал Пётр, тяжело дыша, – мы в безопасности.

Он смотрел на неё, на её тонкие черты, на её испуганные глаза. И в этот момент, вдали от пепла и разрушения, он почувствовал, что нашёл нечто большее, чем просто цель. Он нашёл смысл. Смысл в том, чтобы защищать, спасать и дарить надежду. И он знал, что сделает всё, чтобы эта надежда не угасла.

Тень Ипатьевского дома

Несколькими часами раньше. В Ипатьевском доме царила напряжённая тишина, нарушаемая лишь нервным шелестом бумаг в руках интенданта. Его пальцы, дрожащие от волнения, перебирали документы, когда взгляд упал на телеграмму, скреплённую печатью, он вздрогнул. Это было послание от Ульянова, и казалось, оно несло в себе приговор. Поглощённый мыслями о судьбе царской семьи, он не заметил, как в комнате появились двое молодых солдат. Их юные лица, уже отмеченные печатью долга, встали между ним и комиссаром, словно живой щит.

— Не смейте, убийцы, убивать царя!.. – выкрикнул один из них, его голос дрожал от смеси страха и праведного гнева:

— Он наш Отец, а Царица – Мать...

Первые две пули, свистящие в воздухе, нашли своих жертв. Солдаты пали, но их жертва не была напрасной. Она заставила замолчать других, заставила задуматься.

... Девочки, дочери царской семьи, стояли до конца, их лица были бледны, но глаза горели вызовом. Страх, казалось, коснулся лишь доктора Боткина, чьи глаза метались по комнате в поисках кого-то, кого не было.

— Где же сейчас дочь?.. – прошептал он, но его слова утонули в грохоте выстрелов.

Уже позже полумёртвые тела, словно мешки с песком, были сброшены в штольни. Сверху, с шипением, лилась кислота, стирая последние следы человеческого присутствия. Комиссар, его лицо искажено злобой, надрылся в приказах:

— Ленин сказал лично! Стереть с лица земли!..

... Дочь Боткина, та, которую тот так отчаянно искал, была далеко от этого ада, в чаще леса.

Ветер, пробираясь сквозь густые кроны вековых сосен, шептал свои древние истории. Он ласкал лицо девочки, чьи волосы, цвета спелой пшеницы, развевались на ветру, и приносил с собой запах хвои, влажной земли и чего-то неуловимо дикого.

Да это была дочь Боткина, чьё имя отец произносил в своих молитвах, чьё лицо он видел в своих снах.

Она была здесь, в чаще леса, где каждый шорох, каждый треск ветки был ей знаком, где каждый луч солнца, пробивающийся сквозь листву, казался благословением.

В её глазах, цвета летнего неба, уже читалась мудрость. Она в себе искала образ своего отца, перед ней всплывали смутные образы, и как невидимая связь с ним, то единственное – тёплое прикосновение руки, тихий, ласковый голос. Она чувствовала его. Чувствовала его боль, его отчаяние, его неугасающую надежду.

Рядом с ней был ещё один образ, словно тень, он двигался в лице царственной фигуры. Высокая, стройная, с копной тёмных волос, ниспадающих на плечи. Это была Анастасия. Она была её хранительницей, её наставницей, её единственной семьёй в этом диком, необузданном мире.

Анастасия научила подругу всему, что знала сама: как находить съедобные ягоды и корни, как различать следы зверей, как слушать шёпот ветра и понимать язык птиц. Она научила её быть сильной, быть независимой, быть частью этого леса, который стал их домом.

Анастасия, с голосом нежным, как мох на древних стволах, обратилась к своей спутнице:

— Сегодня мы отправимся дальше, к реке.

— Думаю, что, там есть люди.

Девушка кивнула, её сердце забило быстрее. Люди. Она несколько часов не видела живых лиц, только призрачные образы из снов и отголоски голосов из прошлого.

— Ты готова?.. – спросила Анастасия, в её глазах смешались нежность и тревога.

— Готова!.. – ответила девушка, её голос звучал уверенно, несмотря на лёгкое волнение.

Неизвестность пугала, но осознание того, что они вместе, придавало сил.

Они шли по едва заметной тропе, проложенной звериными следами. Солнце раскрашивало небо в золотые тона. Лес вокруг оживал, наполняясь звуками, их сопровождало: уханье совы, стрекот сверчков, шорох листвы. Дочь Боткина не боялась. Она чувствовала себя в безопасности под сенью могучих деревьев, в сопровождении Анастасии.

Анастасия же, несмотря на внешнее спокойствие, ощущала, как напрягается её душа, сознавая, что мир за пределами их лесной обители полон опасностей. Она помнила, как они оказались здесь, как им пришлось скрываться, боясь каждого шороха, как оказались в западне подлеска, в итоге кружа на одном месте. Было страшно.

Внезапный очередной приступ боли в животе разлучил их в густой чаще. Они потерялись, не в силах найти друг друга, боясь выдать себя невольным криком.

Через некоторое время, услышав шорох, Анастасия затаилась. Там её и обнаружил, Пётр.

Именно ей, он, в глазах которого читалось сострадание, шёпотом открыл страшную правду:

—Сбросили мёртвых в штольню.

—Нет более на Руси Царя... Вашего отца!..

Боткин, вероятно предвидевший надвигающуюся трагедию, придумал страшную болезнь, чтобы оградить её и его дочь от неминуемой гибели. Ценой собственной жизни он подарил им шанс на будущее.

...Две недели в бреду, вдали от цивилизации, в глухой лесной хижине – это та маленькая плата за жизнь. Когда сознание вернулось, первым, что она услышала, было её имя, произнесённое незнакомым солдатом. "Анастасия".

Постепенно память возвращалась, складывая разрозненные кусочки в единую картину. Она приняла предложенное имя, доверившись незнакомцу и его обещанию --защитить. Вместе они бежали, скрываясь в хаосе революционного времени.

Их путь был усеян трудностями. Голод, холод, постоянный страх. Затем – беременность, рождение ребенка. Солдат, не выдержав тягот жизни, начал пить, проигрывать деньги, влезать в долги. В отчаянии он решился на ужасный поступок – продать Анастасию цыгану, надеясь таким образом разорвать порочный круг.

...Спустя годы, бывшая великая княжна, скрываясь под чужим именем, оказалась в Норвегии, бежав от своего прошлого. Она оставила позади кошмар, когда вырвалась из рабства у цыгана, укравшего у неё не только свободу, но и веру в лучшее. Драгоценности, которые она когда-то смогла унести, стали символом её непоколебимой воли, а фальшивый паспорт, выданный когда-то солдатом, был единственным пропуском в новую жизнь.

Теперь, в самом сердце Европы, она искала семью, мечтая о доме, о корнях, которые были безжалостно вырваны.

Лондон, Париж – города, полные надежд и разочарований. Но где бы она ни оказывалась, Анастасия чувствовала себя одинокой, потерянной в огромном и чужом мире.

В газетах она находила отголоски жизни своей семьи, той ветви, что, казалось, купалась в изобилии, пока сама она влачила жалкое существование.

Горе, охватившее их после гибели царской семьи, глубоко тронуло её. Анастасия почувствовала, что настало время выйти из тени, вернуть себе утраченное имя и положение.

Когда она наконец добралась до них, сердце её забило в предвкушении некоего счастья. Но дверь, за которой ждала её семья, оказалась не распахнутой. Родственники не спешили принимать её. Слишком много было тех, кто выдавал себя за потерянных из семьи, их осторожность стала глухим щитом. Анастасия поняла, что ей предстоит доказать свою подлинность, и начала делиться своей историей, вытаскивая из глубин памяти детали, способные развеять их сомнения.

Шрам над левой бровью, тонкая белая линия, казался неотъемлемой частью её лица, словно родинка или изгиб носа. С самого детства он был с ней. Но для Анастасии, вернувшейся в этот дом после долгих лет забвения, этот шрам стал чем-то большим, чем просто отметиной. Он был ключом. Ключом к прошлому, к воспоминаниям, к сердцам тех, кто потерял её, а теперь вновь обрёл.

Она помнила тот день с поразительной ясностью, будто он произошёл вчера. Солнечный день, звонкий смех, лязг стали. Алексей, тогда ещё юный царевич, увлечённый игрой, неловко взмахнул шпагой. Острое лезвие скользнуло по её щеке, оставив жгучую боль и кровавую полосу. Слезы, испуг, а затем – заботливые руки. Её отец, бледный, но решительный, отнёс её к доктору Боткину.

Доктор Боткин, человек с добрыми глазами и спокойным голосом, осмотрел рану. Он тихо говорил что-то отцу, а затем, с ловкостью хирурга, зашил тонкую линию. Анастасия помнила, как он смазал рану какой-то мазью, пахнувшей травами и чем-то ещё, неуловимо успокаивающим. Он сказал, что это чудодейственное средство, которое поможет ране быстро зажить, практически без следа. Но след остался. Тонкий, но заметный.

Перед лицом близких она наконец открыла свою тайну. История, полная детских игр, пережитой боли и спасительной помощи доктора Боткина, полилась из её уст. Голос её дрожал, но искренность в нём была неоспорима. Она видела, как преображаются их лица: скептицизм в глазах бабушки уступал место изумлению, а затем – робкой надежде. Взгляд её смягчился, словно растаял лёд. Шрам, который она долгие годы старалась скрыть, теперь стал её неоспоримым доказательством. Он был живым свидетельством её прошлого, её детства, её неразрывной связи с этим домом. И они начали верить. Верить, что перед ними действительно их потерянная внучка, их Анастасия.

Однако в душе Анастасии оставалось нечто невысказанное, тревога, словно невидимая нить, не отпускала её. Она чувствовала себя чужой в этом мире, который так отчаянно стремилась вновь обрести. Воспоминания, призванные принести утешение, теперь вызывали лишь смутное беспокойство. Было ли это всё? Была ли эта история со шрамом единственным ключом к их сердцам? Или же за этой тонкой линией скрывалось нечто большее, нечто, что она сама ещё не могла постичь?

Глядя на лица родных, сияющие радостью и облегчением, она ощущала, как внутри неё растёт холодная пустота. Она получила их веру, их любовь, но что-то существенное оставалось скрытым. И эта недосказанность, эта тень сомнения, омрачала её счастье, заставляя сердце биться в тревожном ритме. Шрам над бровью был её козырем, но что, если в её колоде ещё были карты, которые она боялась показать?..

КАРЛИК

Дворец, в который ступила Екатерина, встретил её холодом и блеском золота. Пронизывающий ветер, словно живое существо, обвивал каменные стены, а яркие золотые украшения ослепляли её взгляд. Улыбки придворных казались вырезанными из льда, и в этом великолепии она чувствовала себя как будто в плену.

Юная принцесса из Германии, приехала сюда, чтобы стать супругой наследника русского престола, Петра. Но в этом мире роскоши и интриг она ощущала себя чужой, ощущая себя птицей, запертой в золотой клетке. Ступая на порог русского Двора, Екатерина надеялась на сказку, где ей суждено сыграть главную роль. Брак с Петром был лишь первым шагом к её мечтам. Однако реальность оказалась жестокой.

Дни проходили в однообразии: занятия русским языком, танцы, правила этикета. Всё это казалось ей скучным и утомительным. Пётр не проявлял к ней интереса, предпочитая военные игры и общество своих друзей. Она тосковала по дому, по простым радостям юности, которые остались далеко позади.

С годами единственным светом в её серой жизни стал Григорий Орлов — статный гвардеец с дерзким взглядом и обворожительной улыбкой. Его внимание согревало её душу, позволяя забыть о долге и обязанностях. Их связывала тайна умершего ребёнка. Но вскоре пришло известие, которое перевернуло её мир: она вновь ждёт ребёнка. Эта новость не принесла ей радости.

Екатерина понимала, что ребёнок — это её билет в русскую историю, но в то же время — оковы, которые навсегда привяжут её к нелюбимому мужу.

Мысль о том, что после родов она станет неинтересна Орлову, терзала её.

Беременность наступила так внезапно, как бывает гроза в ясный день и это её сильно пугало.

Для Екатерины, чьё сердце уже принадлежало другому — пылкому и страстному Орлову — это было не благословение, а проклятие. Каждый толчок ребёнка внутри неё отзывался тревогой и страхом. Она не хотела этого ребёнка. Не хотела, чтобы он стал преградой на пути к её истинной любви, к её амбициям.

...Время тянулось невыносимо медленно. Екатерина, отчаянно боролась с неизбежным. Она туго стягивала живот, надеясь замедлить приближающиеся роды. В её глазах застыл ужас перед будущим, где она видела себя стареющей и забытой, когда молодость и красота увянут под бременем материнства. А ведь она так любила Орлова, так жаждала его страсти и внимания.

Роды были долгими и изнурительными. Ребёнок появился на свет слабым, с искажёнными чертами. В стенах дворца, где царил холодная роскошь, он стал объектом шепота и осуждения. "Уродец", — шептались за спиной, когда няня принесла младенца к матери. Екатерина слышала эти слова, и они ранили её.

Приняв ребёнка на руки, она пыталась почувствовать материнскую любовь. Она играла с ним, но в глубине души не испытывала настоящей привязанности. Малыш раздражал её, кусал грудь. Она отворачивалась от него, чувствуя отвращение и страх.

Няня, уходя, бросила ей в лицо:

—Он какой-то никакой!

—Длинный, неблагородный, как босяк!

—Не вижу в нём царской крови!

—Думаю, что согрешила ты с Орловым, вот и родилось сие чудовище!

Однажды, оставшись наедине с Елизаветой, она призналась:

—Я не хочу с ним спать! Найдите ему няньку, русскую!..

Екатерина смотрела на него с отстранённой жалостью. Она пыталась играть в материнство, как порою играют с любимым котёнком – ласково, но без глубокой привязанности. Она гладила его по тонким волосам, убаюкивала, но в её глазах не было той всепоглощающей любви, которую она видела у других матерей.

Екатерина чувствовала, как её гнетёт собственное дитя. Каждый раз, когда голодный малыш прижимался к ней, ища утешения, она ощущала лишь отвращение. Часто её раздражало его беспомощное существование. Когда он, голодный, в очередной раз тянулся к её груди, кусал соски.

Это было совсем не то материнство, о котором она грезила. Скорее, это было тяжкое бремя, постоянное напоминание о её страхах – о потере себя, об уходящей молодости.

В глубине души Екатерина видела в ребёнке лишь отражение своих ошибок, свою тень. Несмотря на все усилия быть заботливой, её сердце оставалось холодным. Душа же тосковала по той любви и власти, которые становились всё более желанными.

Пока её сын, слабый, и, как ей казалось, искажённый, рос тенью на троне, сама Екатерина набирала силу. Она готовилась к своей истинной судьбе – роли императрицы, чья жизнь должна была быть куда более значительной. Ночами её терзали сомнения. Она молилась за здоровье Петра, убеждая себя, что он должен стать достойным царём, оправдать её ожидания.

В углу, перед иконами, она ставила свечи, прося прощения за свои грехи и за неспособность полюбить собственного ребёнка. Она знала, что впереди долгий и тернистый путь, и ей придётся играть роль любящей матери, даже если сердце останется равнодушным. Ей нужно было выжить и победить в этой беспощадной игре, чтобы стать Екатериной Великой.

Нельзя не сказать, что Елизавета Петровна, императрица, с нетерпением ожидала рождения внука, плода любви её любимого Петра и фрейлины Екатерины. Но когда младенец, Павел, появился на свет, её радость сменилась недоумением. Неужели от Гришки Орлова?

В полумраке кабинета, где лишь трепетное пламя свечи освещало роскошные шелка и бархат, облачённая в них Елизавета погрузилась в свои мысли. Перед ней лежала раскрытая книга, но взгляд её был устремлён в непроглядную ночную тьму. Эхом в тишине звучали слова, произнесённые Екатериной несколько часов назад: "Вы, как хотите, но с ним спать не хочу и не буду! Найдите няньку – русскую. Мамка – немка отказывается, говорит: Он! Какой-то никакой! Длинный! Неблагородный, как босяк! Вы, уж, как знаете, но не вижу в нём царской крови!"

Эти размышления были обращены не к кому-то конкретному, а скорее к самой себе, к внутреннему голосу, шептавшему о невыносимой правде. Императрица Всероссийская не могла смириться с тем, что её наследник, её плоть и кровь, казался ей чужим, недостойным величия.

—Думаю, что согрешила, как пить дать – Орлова сие чудовище!.. – прошептала она, прикрывая глаза.

Образ Григория Орлова, его грубая сила и страсть, теперь казались источником её нынешнего страдания. Она зажгла свечу за упокой отца, Петра Великого, вымаливая у Господа милости для младенца, чтобы тот обрёл хоть подобие материнской любви. Она убеждала себя, что он обязан быть настоящим царём, что его будущее предопределено, даже если она сама не могла принять его таким, какой он есть. В красном углу, перед иконой, зажглась ещё одна свеча – символ её раскаяния и отчаянной надежды.

...Екатерине надоела игра в новую игрушку, в мать. Любить сына она не умела. Эта неспособность причиняла ей боль, смешанную с гневом – на себя, на Орлова, на само существование этого ребёнка, который был продуктом их мимолетной страсти.

Елизавета ощущала этот дискомфорт на себе, словно невидимая тяжесть давила на её плечи.

Внезапное озарение посетило Елизавету, словно молния, осветившая тёмное небо. Решение созрело за считанные дни. Она вызвала к себе невестку, Екатерину, словно провинившегося ребёнка. Та, бледная и испуганная, вошла в кабинет, опустив голову.

— Ты отказываешь моему внуку в самом необходимом!.. – обвинила Елизавета, её голос звучал как ледяной порыв ветра:

— Позволь напомнить, кто дал тебе положение при дворе, кто возвысил тебя.

Срываясь:

— Недопустимо пренебрегать наследником самой императрицы!

Екатерина стояла молча, её глаза наполнялись слезами.

— Выпей чаю с молоком и табаком!.. – приказала Елизавета, протягивая ей чашку:

— Это поможет тебе. И ему тоже.

Екатерина взяла чашку, её руки дрожали.

— Молоко есть, Ваше Величество... – прошептала она, – но он... Он кусается.

— Я никогда не видела, как кормят младенцев.

— Я не знаю, что делать.

Елизавета презрительно фыркнула.

— Иди и посмотри, как справляется кухарка. И помни!.. – её голос стал угрожающим:

— Если мой внук будет голодать по твоей вине, я убью тебя и объявлю, что ты сама свела счеты с жизнью.

Переходя на крик:

— Ты поняла?

Ледяной, всепоглощающий страх сковал Екатерину. Она не могла произнести ни слова, лишь кивнула, и, словно загнанное животное, бросилась прочь из кабинета, направляясь на кухню, где её ждала неизвестность, и, возможно, спасение для её сына.

Елизавета осталась одна в тишине, лишь дрожащее пламя свечи освещало её одиночество и тяжесть короны, которая казалась ей всё более неподъемной.

... Так, в величественных залах Зимнего дворца, где золото и шёлк соперничали с блеском бриллиантов, разворачивалась драма, скрытая за фасадом придворной жизни.

Императрица, окружённая лестью и поклонением, чувствовала себя одинокой в своём величии. В этот мир, полный церемоний и политических игр, ворвался гвардеец, словно свежий ветер, развеявший затхлый воздух интриг.

Григорий Орлов, с его открытым взглядом и непоколебимой уверенностью, был далёк от угодливых придворных. Он говорил прямо, не боясь выражать своё мнение, и эта смелость поразила Елизавету. Их случайная встреча на балу, когда он осмелился предложить ей бокал игристого вина, стала началом чего-то большего.

Вечера во дворце стали наполняться его присутствием. Он рассказывал о своих приключениях, делился мыслями о будущем России, и в этих беседах Елизавета находила не только развлечение, но и искренний интерес. Он видел в ней не только императрицу, но и женщину, уставшую от бремени власти.

Между ними зародилась связь, сотканная из уважения и взаимной симпатии. Он восхищался её умом и силой, она ценила его честность и преданность. В этом мире, где каждый шаг был просчитан, их отношения стали островком искренности, тайной, которую они бережно хранили в сердце Зимнего дворца.

Несмотря на глубокую привязанность, их связь была обрамлена строгими рамками придворного этикета. Императрица Елизавета, хоть и любила веселье, никогда не забывала о своём высоком положении. Открытое проявление чувств к Орлову могло спровоцировать сплетни и интриги, чего она всячески избегала.

Григорий Орлов, в свою очередь, прекрасно осознавал, что его карьера и положение при дворе напрямую зависят от милости императрицы. Он старался вести себя безупречно, но иногда в его глазах или жестах проскальзывала едва уловимая нежность.

Их отношения были многогранны и полны противоречий. Они были товарищами, доверенными лицами, а возможно, и чем-то большим, но их связь всегда оставалась окутанной завесой тайны.

Однажды, во время прогулки по парку, Елизавета поделилась с Орловым своим чувством одиночества и усталости от бремени власти. Орлов, не в силах сдержаться, взял её за руку и поцеловал. В этот миг между ними вспыхнула искра страсти, но оба понимали, что их связь не может перерасти в нечто большее, чем платоническая любовь.

Елизавета, осознавая всю опасность такой близости, приняла решение дистанцироваться от Орлова. Орлов же понял, что нарочитое охлаждение – единственный способ сохранить их отношения. В его сердце навсегда остался образ Елизаветы, Великой женщины, которая пробыла в нём самые глубокие чувства.

Орлов стремительно набирал вес и влияние в империи. Став фаворитом Екатерины, он никогда не забывал о Елизавете Петровне, той, кто открыла ему мир любви и красоты.

В стенах ещё недостроенного Зимнего дворца хранилась тайна их чувств. Но даже сейчас, когда ветер шелестит в парковых аллеях, можно уловить отзвуки их любви – нежной и обречённой. Как тут не вспомнить о том, кто навсегда поселился в сердце? Ведь ей, возможно, придётся полюбить его потомка.

...Внук, которого она мысленно прозвала "новой игрушкой Катьки", быстро наскучил его матери. Пелёнки, детский плач, бесконечные заботы – всё это было той чуждо. Любить сына Екатерина не умела и не желала.

В душе Елизаветы росла обида: на себя, за неспособность испытать материнскую привязанность, и на Григория, за это дитя, рождённое Екатериной, ей казалось, что Павел на всё 100% от Григория Орлова.

Екатерина же, чувствуя себя загнанной в угол, ощущала неменьший дискомфорт.

Оттаяв от льда чувств, отпустив из души призрак Григория Орлова, Елизавета прониклась любовью бабушки к маленькому существу, которое по сути – самое дорогое в её жизни.

Она души в нём не чаяла, неотступно находилась рядом, баловала и играла. "Иди, малыш, ко мне, – часто говорила она вслух, – это я – твоя матушка, а не Катька, дурёха!"

Порой сжимая в объятиях крошечного Павла, Елизавета ощущала в себе, как волну нежности, так и жгучую ненависть. Слепую ядовитую ненависть к той, что подарила ему жизнь, но не смогла дать ни заботы, ни любви. Екатерина. Это имя вызывало лишь презрение.

—Вылитый – Катька!.. – шептала она, выходя из детской и оставляя за дверью тихое сопение внука.

—Петруша совсем другим был.

Загораясь страхом неуверенности:

—Не дай бог, не с ним, всё же дитя сделала распутница!

Власть Елизаветы была безгранична, а её методы – суровы. Она держала всё под своим неусыпным контролем, внушая страх Екатерине через бурные истерики, в которых переплетались – подозрительность, ненависть и боязнь потерять то, что она считала своим.

Однажды, когда к столу подали несвежую сметану, гнев Елизаветы вылился в угрозы убийством, от которых замер весь зал. Никто не осмелился возразить. Поваров, одного за другим, отправляли на наказание, но это было не столько возмездие за проступок, сколько демонстрация силы для Екатерины.

Елизавета видела в ней, неопытной матери, соперницу в борьбе – за престол, за власть, за всё, что было ей дорого. Между ними разгорелось негласное, но ожесточенное противостояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.